

НИНА КОСМАН

Нина Косман (Kossmann) родилась в Москве. В 1972 году эмигрировала с семьей в Израиль, потом в Америку. Автор двух сборников стихов: «Перебои» (Москва, 1990) и «По правую руку сна» (Филадельфия, 1996). Публиковалась в журналах «Крещатик», «Новый журнал», «Слово\Word», «Знамя», «Новый берег», «Ното Legens» и др. Перевела две книги стихов и поэм Цветаевой на английский – «In the Inmost Hour of the Soul» (Humana Press) и «Poem of the End» (Ardis / Overlook, 1998, 2003, 2007). Переводчик стихов Кавафиса на русский. Составитель антологии «Gods and Mortals» [Боги и смертные: Современные стихи о классических мифах] (Oxford University Press, New York). Рассказы и стихи на английском публиковались в американских и канадских журналах. Живет в Нью-Йорке. В «Волге» публиковались рассказы (2017, № 11-12).

МОЯ ПАРА

Рассказ

Понятия не имею, почему на этот раз мне назначили пару. Официальное название этой должности – paraprofessional (буквально полупрофессионал(ка)), но у учителей нет времени на выговаривание такого длинного слова, поэтому мы все говорим просто пара. Я работаю с небольшими группами учеников и вполне справляюсь сама. Когда я спрашиваю одну из своих начальниц, зачем мне назначили пару, она говорит, что в моей новой школе два здания, и Мария, моя пара, будет приводить учеников из главного здания в мою классную комнату в менее главном здании и потом уводить их обратно, а во время занятий помогать слабым ученикам.

В первый же день Мария опаздывает на час, заходит в мою классную комнату, говорит: «Доброе утро, Нина», я отвечаю: «Доброе утро, Мария», и жду, скажет ли она что-нибудь ещё, но поскольку ничего больше не следует, возвращаюсь к прошлогодним оценкам и составлению списка новых учеников. Проходит около двадцати минут, на секунду отрываюсь от компьютера, вижу, что Мария волочит лестницу почти вдвое больше неё самой. спрашиваю, что она собирается делать с этой громадной лестницей. Отвечает: «Чистить». Она машет в мою сторону, и этот широкий жест включает в себя как и мой стол, так и меня саму, из чего я заключаю, что она хочет, чтобы я освободила учительский стол. Она указывает на стулья учеников, мол, я могу сидеть там, на одном из маленьких стульев, а не за учительским столом. Мне её жаль, её английский так ограничен, что она не может сказать даже простейших фраз, поэтому я не возражаю и освобождаю учительский стол. Сажу на студенческом стульчике и наблюдаю, как она отодвигает учительский стол и ящики с пьесами, пытается установить лестницу в освобожденном от ящиков небольшом пространстве. Она лезет наверх по лестнице, останавливается на верхней ступеньке, говорит: «Paper towels», и я вручаю ей целый ворох влажных бумажных полотенец, которые она заранее положила на учительский стол. В моем маленьком, узком классе очень много полок – стеллажи стоят не сами по себе, они вбиты в стену, от окна до двери, от стены до стены, от пола до самого потолка, и она старательно прочищает каждую полку, отодвигая коробки с книгами и протирая и коробки и книги влажными бумажными полотенцами, туда-сюда, туда-сюда, пока бумажные полотенца не становятся совсем грязными, и она передает их мне, чтобы от них избавиться. Она говорит: «Мокрый», я макаю новую кучу бумажных полотенец в миску с водой, вручаю ей, и она протирает ими новую полку, пока они в свою очередь не становятся грязными и должны быть отданы мне и выброшены. Через полчаса я говорю: – Мария, по-моему, уже достаточно.

– Нет! Я делаю вашу комнату красивой.

– Но, – говорю, – Мария, мне надо работать. Я должна сидеть за столом, чтобы пользоваться компьютером, мне нужно составлять списки новых учеников...

– Я выполняю свою работу. Я делаю вашу комнату красивой!

Передвигаю миску поближе к лестнице и перестаю макать бумажные полотенца в воду: если ей так приспичило продолжать уборку, она может макать их в воду сама. Подключаю свой компьютер и предупреждаю её о шнуре, чтобы она не споткнулась об него, когда сойдёт с лестницы. Она повторяет: – Я делаю свою работу, вы делаете свою работу!

И всё-таки мне хотелось бы знать, когда она позволит мне наконец вернуться к моему столу. Уже полдень, обеденный перерыв, и я спрашиваю Марию, пойдет ли она на улицу купить что-нибудь поесть или будет обедать в классе. Она говорит, что никуда не пойдет, потому что утром заблудилась по пути из метро и уже здесь заблудилась по пути из главного здания в мой класс, и она боится снова заблудиться, выйдя за пределы классной комнаты, и поэтому никуда она не пойдет на обеденный перерыв. Может, мне стоит спросить ее, не собирается ли она оставаться в моем классе насовсем из-за страха заблудиться, но я только пожимаю плечами и говорю: «Окей». Вынимаю из сумки свой ланч и пытаюсь думать о чем-нибудь другом, чтобы отвлечься от вида этой странной женщины на верхней ступеньке лестницы возле учительского стола. Пока я ем, она спускается вниз и перетаскивает лестницу в другой угол, жестами показывая мне, что я должна встать с маленького стула. Я беру свой ноутбук и возвращаюсь с ним к учительскому столу, но она говорит: «Не готово. Не сухо. Нужно ещё протереть».

– Мария, мне нужен мой стол. Полки теперь, кажется, совсем уже сверкают.

– Я убираю.

– Спасибо, Мария, но больше не надо. – Я делаю решительный жест, разрезаю воздух рукой, как ножом, и чтобы она поверила в мою решимость, кладу свой ноутбук и папку с бумагами на учительский стол. Она указывает на миску с водой и рулон бумажных полотенец; ждет, когда я ей буду снова помогать.

– Подавай, – говорит.

– Мария, мне нужен мой рабочий стол. Я не могу весь день макать и подавать вам бумажные полотенца. Спасибо большое за уборку, но больше не надо.

Она ставит лестницу рядом с моим стулом, поднимается на две ступеньки и говорит, что у нее много предприятий.

– Предприятий?

– Да. Компании. Бизнес. Understand? – Я киваю, повторяя её «Understand» в надежде, что смогу продолжить свою работу, но ей хочется рассказать мне чуть побольше.

– Один бизнес, другой бизнес, потом ещё один бизнес. Много бизнесов. Много дели.

– Дели? – О чем она говорит? О столице Индии?

Мария ходит на все собрания по профессиональному развитию преподавателей и высиживает их без единого слова или вздоха, но однажды, когда я сидела рядом с ней на особенно скучном собрании, я спросила ее, откуда она. Она ответила, что она из Перу, и что ее родной язык не испанский, а кечуа, язык индийского племени с тем же названием. Испанский ее второй язык, сказала она, и тут же шепотом научила меня несколькими словам на своем родном кечуа.

– Я продала свой айси бизнес месяц назад, – говорит она с явной гордостью. Она объясняет, что у нее было много тележек, и все они проданы, и когда она видит, что я понятия не имею, о каких тележках она говорит, поясняет, – Тележки для продажи icies. Ты увидишь их здесь после школы, повозки с icies, дети просят родителей купить и родители покупают.

– Понимаю, – говорю, но почему она их продала? Нужны были деньги, говорит она, чтобы купить дом в Швейцарии. Она продала свой бизнес за миллион долларов, и на

эти деньги купила дом для одного из своих детей. Я спрашиваю, сколько у нее детей, и она макает очередное бумажное полотенце в воду и говорит: «Много». Спрашиваю, где именно в Швейцарии, и она макает ещё одно бумажное полотенце в воду и называет город, о котором я никогда не слышала. Она повторяет, что потратила миллион на покупку дома и еще пятьсот тысяч на ремонт, и поясняет, что дом в Швейцарии был старый и нуждался в ремонте, и хотя мне трудно поверить, что женщина, заблудившаяся по дороге в мою классную комнату, является самодельной миллионершей и покупает дома в зарубежных странах без страха заблудиться по дороге от уборной в аэропорту до посадочных ворот, я говорю себе: может быть, и правда, что она купила дом в Швейцарии за миллион долларов или евро. Я спрашиваю ее, почему она работает парапрофессионалом в нью-йоркских школах, если она так богата и покупает дома по всему миру, и она отвечает, что у нее много детей. Много-много. Некоторые из них ее биологические дети, а другие – из мусорной кучи. Все они – и биологические, и дети из мусорной кучи – уже взрослые, и все получили хорошие профессии: юристы, врачи, профессора, брокеры на Уолл-стрит. Вот какое образование она смогла дать своим многочисленным детям.

Мне не понятно, что она имеет в виду, что это за «дети из мусорной кучи»; она видит, что мне не понятно, и поясняет: она нашла детей на улицах бедных кварталов Лимы, они лежали в мусорных кучах; она спросила уличных мальчишек почему, мол, младенцы в мусоре лежат, и мальчишки сказали, что матери этих младенцев так бедны, что не могут взять на себя заботу о ещё одном ребенке, и поэтому оставляют его в мусорной куче. Мария и ее муж забрали этих мусорных детей к себе домой, по одному ребенку за раз, и теперь у них уже много мусорных детей, и она обеспечила их всех хорошим образованием, ведь разве есть в жизни что-нибудь важнее хорошего образования? И для этого ей нужна эта работа, понятно? Я бормочу что-то невнятное, из чего она делает вывод, что мне непонятно, и поэтому объясняет, что для того, чтобы дать всем детям из мусорной кучи хорошее образование, нужно много денег. Деньги у нее есть, но было бы глупо тратить их на обучение. Если ее дети при поступлении в колледж подадут заявление на финансовую помощь и в графе о доходе родителей поставят её официальную низкую зарплату, то их образование не будет ей ничего стоить. Ясно, говорю. Я делаю несколько шагов в направлении её лестницы и протягиваю ей руку. Она откладывает мокрое бумажное полотенце на полку, подносит правую руку к моей левой, и у нас получается нечто вроде five. Продолжая вытирать полки, она говорит о своем отце, о том, как богат он был, и как из-за этого его и убили. Из-за чего? – переспрашиваю я. Его убили люди, которые хотели его землю. Да, это так, говорит Мария, хотя я с ней не спорю. Она их видела. Она присутствовала при убийстве, она видела, как его убивали, она помнит каждую деталь. Да, она там была. И она не слепая, нет. Когда ее отец состарился, он завел детей с горничной, и после того как его убили, Мария взяла к себе этих детей. В Лиме у неё свой фонд для бездомных детей. Она платит людям, которые там работают, людям, которым она доверяет, которые заботятся о бездомных детях.

– Не знаю, что и сказать, Мария, – говорю. – Вы прекрасный человек, Мария. Я рада, что в мире есть такие люди, как вы.

К концу дня у меня готово расписание на год. Я даю Марии распечатку и наблюдаю, как она переписывает расписание разноцветными фломастерами на ватманский лист: номер классной комнаты – красным, время начала урока – фиолетовым, время окончания – зеленым, имя учителя – черным и т. д. В первый день занятий Мария опаздывает, и я сама привожу учеников из другого здания в свой класс. Она появляется, говорит, что потеряла и расписание, которое я ей дала, и разноцветную схему, которую сама сделала. Я пожимаю плечами и ничего не говорю. Думаю, сказать ли, что мне все равно, мне вообще не нужна помощница. Она заходит в мою классную комнату в середине урока, несколько минут нерешительно стоит рядом с одной из полок, которые она сама недавно так здорово мне почистила, тянет к себе единственный свободный

ученический стул и садится рядом с учеником. Ученики пишут. Несколько минут все сидят молча. Затем я слышу, как Мария говорит ученику что-то о его букве d. Он, мол, неправильно пишет букву d; его d выглядит как b. Он должен научиться писать букву d правильно.

– Мария, – говорю я, – Мне нужно знать, что они сами могут. Поэтому, прошу вас, не помогайте им.

Она либо не слышит меня, либо не понимает. Я слышу, как она с укором говорит другому ученику о слишком коротком хвосте его буквы u, а также его буквы j.

– Мария, – говорю я хриплым шепотом, – рядом с моим классом есть совершенно пустая классная комната. Вы не могли бы там подождать?

– Мне там холодно, – говорит она кротко.

– Но ведь можно закрыть окно или надеть куртку. У Вас есть куртка? Если нет, то могу дать вам свою. Но я Вас очень прошу, не надо им помоо...

– Хорошо. Я уйду.

Она встает с ученического стула и робко выходит из класса. Я смотрю, как она медленно двигается к двери и мне ясно, что эта странная женщина очень застенчива. Она хочет быть полезной, но не знает, как это сделать. Где-то на одной из моих полок у меня был словарь.

– Вот, – говорю, – Мария, возьмите.

Мария не берёт словарь из моих рук.

– Возьмите, – повторяю, – чтобы вам не было скучно там сидеть. Этот словарь вам поможет учить английские слова.

Она неловко берет у меня словарь. Открывая дверь, она слишком резко поворачивает ручку, ручка падает, и она в ужасе закрывает рот. «Ох, прошу прощения», – говорит она грустным шепотом, и волна жалости омывает мое сердце.

На следующий день, в качестве подготовки к короткому сочинению, я спрашиваю своих учеников, что они делали в прошлые выходные и в ответ слышу обычное: «Смотрела телевизор», «Играл в видеоигры», «Смотрела телевизор и играла в видеоигры», «Был с папой в кинотеатре». Я говорю, что сегодня мы будем писать о том, что делали в выходные, и если они смотрели фильм или играли в видеоигры, то могут написать о фильме или о видеоиграх. О чем был фильм? Что в нём запомнилось им больше всего? Ах, мисс Нина, это был такой страшный фильм! Очень страшный. Но что именно в нём произошло? Что именно было страшно? Там были вампиры, Мисс Нина, они сосали кровь и убивали людей. И тебе было интересно на это смотреть – на то, как сосут кровь и убивают людей? Тебе это нравится? Видеть, как людей убивают в кино? Да, потому что это страшно. Это весело! «А скажи, если бы что-нибудь очень страшное произошло бы в реальной жизни, не в фильме, а здесь, вам бы это понравилось? Подумайте, было ли бы весело, если, скажем, человек с ружьем вошел бы сейчас в наш класс и сказал: дайте мне ваши деньги – если не дадите, я вас всех застрелю? Было бы весело?» – «Нет, мисс Нина, это было бы нехорошо». – «Но когда вы смотрите страшные сцены в кино, это кажется интересно? Почему страшные сцены в кино – это здорово, но если такого рода сцены произойдут в реальной жизни, то это нам вряд ли покажется здорово. Почему это? Как вы думаете? Кто-нибудь может мне ответить?» Девочка в первом ряду поднимает руку:

– Люди убивают других людей, чтобы распять Иисуса Христа.

– Что? – говорю, думая, что может, я ослышалась. – О чем ты, Анджела?

– Те люди, которые убили Иисуса Христа в первый раз. Они снова хотят его убить на кресте.

– Какие люди? О чем ты, Анжела?

Анджела не отвечает. Она моргает длинными ресницами, и её большой палец медленно, но неукоснительно приближается к пока ещё закрытому рту. Если рот

откроется и большой палец очутится внутри, я должна буду сказать: вынь палец изо рта. Мальчик, сидящий рядом с Анжелой, поясняет:

– Она говорит о плохих людях. Они убивают и грабят, потому что хотят снова убить Иисуса Христа.

Пожалуй, говорю я себе, лучше не продолжать разговор на эту тему с моими учениками.

Мария, моя помощница, сидя рядом с самым слабым учеником, говорит:

– Это евреи. Это они убили Иисуса Христа.

Только что я хотела прекратить разговор на эту тему, но теперь у меня нет выбора. Теперь мне придется не только продолжить этот разговор, но и кое-что пояснить моим юным ученикам. «Благодарю за оригинальные мысли, Мария, – говорю. – Дети, поскольку мы начали говорить на эту тему, я должна вам кое-что сказать. Во-первых, должна вам сообщить, что Иисус Христос был убит не евреями, а римскими солдатами. Это раз. И еще я должна вам сказать, что произошло это две тысячи лет назад. Две тысячи лет назад. Кто знает – это давно, очень давно или так себе, не так давно?» Я игнорирую палец Анджелы, который она теперь сосет со вкусом.

– Хорошо, дети, если вы не знаете, то я вам скажу. Это было очень-очень давно, так давно, что даже ваши пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-прабабушки и пра-пра-пра-пра-прадедушки ещё не появились на свет.

Лица моих учеников выражают смтение: так давно!

– Да, – говорю я, – очень давно. И еще я должна сказать вам, дети, – я выжидаю паузу, – что сам Христос – или тот, кого принято так называть – был евреем.

Рот Анжелы приоткрывается в изумлении и её палец выпадает из открытого рта – так она потрясена.

– Мисс Нина, это правда? Что Иисус Христос был плохим человеком? Это правда? Что он был евреем?

– Быть евреем – это вовсе не значит «быть плохим человеком», Анжела. Евреи – такие же люди, как и все остальные. Думать, что евреи «плохие» и что две тысячи лет назад они убили Христа... так думать о мире – это значит ничего не знать и не понимать о мире. «Евреи» бывают разные, так же как бывают разные итальянцы и разные пуэрториканцы и разные ирландцы и т. д. И ещё я вам должна что-то сказать, дети... Я должна вам сказать, что я... я тоже... я тоже еврейка.

– Это неправда! – говорит мальчик, сидящий рядом с Анжелой. Он яростно чешет подбородок, как будто у него там щетина. – Вы не еврейка, мисс Нина! Вы не можете быть еврейкой. Вы хорошая. Вы наш учитель. Нет, Мисс Нина, Вы не можете быть еврейкой.

– Роберто! Я только что сказала, что я еврейка. И надеюсь, что теперь, после того, как вы все узнали, что я еврейка, вы не будете больше говорить, что все евреи плохие люди и что они что-то такое сделали две тысячи лет назад, из-за чего их всех надо считать плохими людьми. Ну ладно, мы достаточно долго уже говорим на эту тему; давайте вернемся назад, к разговору о том, что вы делали в выходные, и поскольку большинство из вас смотрело фильмы по телевизору или в кинотеатре, напишите два абзаца о фильме. О чём был фильм, почему он вам понравился, хотели ли бы его ещё раз посмотреть, и если да, то почему.

После урока я спрашиваю Марию, не хочет ли она сидеть в соседнем классе во время уроков. Ведь это совершенно пустая и очень хорошая классная комната, говорю я с чувством, и никто ею не пользуется. Хорошо, говорит Мария, она согласна. Она говорит, что не хотела сказать ничего плохого об еврейском народе. Она просто хотела пояснить мне, о чём говорили дети. Она сидит в позе кающейся грешницы, и вторая волна жалости омывает мое сердце. «Я не знала, что вы еврейка», – говорит она с неподдельным сожалением.

– Мария, – говорю, – даже наивные взрослые должны отличать реальность от мифа и знать историю, хотя бы недавнюю, хотя бы то, что произошло семьдесят пять лет назад – не так уж давно... Мы обязаны знать, что может произойти, когда одну группу людей обвиняют во всех проблемах человечества из-за какого-то мифа.

– Но это не миф. Это правда, – обиженно говорит Мария.

– Оставим эту тему, Мария. Но после ланча, когда вы приведете сюда следующую группу, пожалуйста, не помогайте мне, не вмешивайтесь в то, что происходит в классе.

Она продолжает сидеть с понуренной головой, и мне начинает казаться, что я была слишком сурова по отношению к ней.

– Вы, Мария, очень хороший человек, – говорю мягким тоном, чтобы не ранить её.

– Мне просто не нужна помощь в классе. Хорошо?

– Хорошо.

Она открывает словарь и начинает переписывать слова на букву «М». Masaw, masaroni, masaroon, масе...

– Учю английский.

– Очень хорошо, – говорю. – Если вам нужна помощь, буду рада помочь...

– Вы мне не можете помочь. Вы ведь не знаете испанского.

– Верно, испанский я знаю очень плохо, поэтому не могу помочь с переводом, но если вам нужна помощь с самими английскими словами ...

– Но вы русская, вы родились в России, – говорит она беспомощно.

Я решаю больше не спорить о ярлыках. Русские, евреи, кечуа... Ярлык есть ярлык. Возвращаюсь в свою классную комнату, открываю сумку, вынимаю свой обычный ланч, веганское блюдо под названием «пекинская утка». Я ем эту пекинскую утку каждый день на ланч, хотя это вовсе не утка, и уж точно не пекинская, но ярлык есть ярлык, и поэтому я сижу и ем свою пекинскую утку.